

Видимое может быть невидимым. Если всадник едет через лес, то его сначала видно, а потом нет, хотя на самом деле он там.

Р. Магритт

Я лежала и не могла заснуть. С самого вечера мне не давала покоя назойливо звучащая в голове мелодия для тромбона – она возникла откуда-то почти без моего участия. Я даже попробовала перед сном сыграть ее – она звучала вполне органично, до тех пор, пока барабанной дробью не вклинился мамин стук в стену. Чертовы панельные дома! Когда я ложилась спать, к тромбону в моей голове присоединилась труба. Я ворочалась. Было жарко. Я встала открыть пошире окно, и с далеким гудком клаксона в мою тему впорхнул кларнет, подхватив побочную партию.

Через час это стало невыносимым. Мелодия летела, легко и непрошено штурмуя мою бедную голову. Она не позволяла мне просто расслабиться и слушать, она настойчиво требовала чего-то.

Я поднялась и села к столу. Свет лампы полоснул по глазам; зажмурившись, я нащупала выдвижной ящик и вынула нотную тетрадь. Боже мой! Я же никогда не писала партитур!

Лихорадочно собираю обрывки знаний – ручка нетерпеливо пляшет в пальцах, как живая.

Как транспонирует кларнет?..

Смогу ли я записать все это? Глупая, глупая, глупая девчонка!
Скрипичный ключ. Никогда не видела ничего красивей. Выведенный одним нервным росчерком, он замер, ожидая продолжения.
Ну же!

Басовый ключ. Последний вдох перед тем, как нырнуть.

Боязнь чистого листа. Листа, рассечённого нотоносцами.

Затравленно обвожу взглядом комнату. Некуда отступить.

На стене справа от меня – репродукция. Рыжая лошадь и всадница в сиреневой амазонке. Лошадь замерла в позе пиаффе. Ноги слишком длинные. Всадница сидит маленькой восковой куклой. И все же я не могу отвести взгляда.

Звуки теснятся, невидимые звуки, пока несвободные, грозящие проломить мне череп.

Первые несколько нот брызнули из-под ручки, повисли на ниточках стана, беснуясь и раскачиваясь. Музыка зазвучала в комнате, сначала неуверенно, но вскоре, когда мои пальцы, сжимающие ручку, окрепли, она заполнила пространство. Занавески на окне заколыхались.

Меня начал бить озноб. Когда здесь успело похолодать? Полуодетая, я обхватила себя свободной рукой и забралась на стул с ногами, не переставая писать.

Вверх-вверх-вверх! Кларнет взбегает по спиральной лестнице и издает торжествующий клич. Затем замирает, словно вдруг испугавшись высоты.

Мне не хватает воздуха.

Вниз-вниз-вниз! Кларнет съезжает по перилам прямо в объятия трубы.

Какого цвета звуки? Кларнет мне кажется сине-серым. Труба – золотисто-медовой.

Ноги затекли, опускаю их снова на пол. Переворачиваю страницу.

Нотные значки становятся все мельче и мельче.

Комната тонет, очертания предметов стираются. Видимое становится невидимым.

Музыка пульсирует вокруг меня, переливаясь – сейчас – зелено-голубым, словно лента северного сияния. Невидимое становится видимым.

Я обессилена. Глаза слезятся. Нити нотоносца сливаются в серую полосу. Пальцы дрожат.

За окном начинает светать.

В тот же день, после репетиции, я робко постучалась в дирижерскую и, получив разрешение войти, молча протянула мистеру Пигготту свою

тетрадь. Он взял ее, так же молча, раскрыл (боже, зачем сердце так оглушительно стучит!) и скользнул взглядом по первой странице.

– Будь добра, когда в следующий раз возьмешься писать партитуру, делай это правильно. Вооружившись карандашом и сев за стол, он углубился в мои каракули. Почти сразу брови у него поползли вверх – я догадалась, что маэстро увидел мой кларнет в строе До, – но на этот раз он промолчал. Я смотрела, как он читает, быстро помечая и исправляя что-то, и вдруг спросила:

– Сэр, какого цвета звук у трубы?

Он поднял на меня глаза, нахмурившись, недовольный тем, что его прервали, на мгновение замер, словно прислушиваясь к чему-то, и сказал:

– Жёлтого.